

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
20 March 2020
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Сорок третья сессия

24 февраля – 20 марта 2020 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие**

Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания

Доклад Специального докладчика*

Резюме

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания рассматривает вопросы понятий, определений и толкований, возникающие в связи с понятием «психологическая пытка» в рамках права прав человека.

* Настоящий доклад был представлен после установленного предельного срока в связи с необходимостью включения в него самой последней информации.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Введение	3
II. Виды деятельности, относящиеся к мандату	3
III. Психологическая пытка	3
A. Справочная информация	3
B. Понятие психологической пытки	6
C. Применение составных элементов	9
D. Преобладающие методы психологической пытки.....	14
E. Киберпытки	21
IV. Выводы и рекомендации	23

I. Введение

1. Настоящий доклад подготовлен во исполнение резолюции 34/19 Совета по правам человека.

II. Виды деятельности, относящиеся к мандату

2. В 2019 году совместно с другими мандатариями или самостоятельно Специальный докладчик направил 114 сообщений от имени лиц, являющихся жертвами пыток и других видов жестокого обращения.

3. Со времени представления своего предыдущего доклада Совету по правам человека в марте 2019 года Специальный докладчик участвовал в различных консультациях, рабочих совещаниях и мероприятиях по вопросам, относящимся к его мандату, наиболее значимые из которых перечислены ниже.

4. 9 и 10 мая 2019 года Специальный докладчик и его медицинская группа посетили Джулиана Ассанжа, содержащегося в лондонской тюрьме «Белмарш», и встретились с представителями соответствующих британских властей, с тем чтобы оценить состояние здоровья г-на Ассанжа и условия его содержания под стражей, а также предполагаемые риски применения пыток или жестокого обращения в связи с его возможной экстрадицией в Соединенные Штаты Америки.

5. 5 июня Специальный докладчик принял участие в конференции на тему «Эффективная многосторонность в борьбе против пыток: тенденции в регионе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и перспективы на будущее», организованной Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека в Вене.

6. В период с 12 по 15 июня Специальный докладчик посетил Коморские Острова (A/HRC/43/49/Add.1).

7. 26 июня в честь Международного дня в поддержку жертв пыток Специальный докладчик выступил одним из организаторов параллельного мероприятия в рамках сорок первой сессии Совета по правам человека по теме «Границы между неправомерными методами расследования и психологическими пытками».

8. 15 октября Специальный докладчик представил Генеральной Ассамблее свой тематический доклад (A/74/148) о применимости запрещения пыток и жестокого обращения в контексте домашнего насилия.

9. 18 октября Специальный докладчик принял участие в Конференции высокого уровня по борьбе с жестоким обращением со стороны сотрудников полиции, которая состоялась в Бечичи, Черногория, и была организована Советом Европы.

10. В период с 17 по 24 ноября Специальный докладчик посетил Мальдивские Острова. После посещения страны Специальный докладчик опубликовал подробные предварительные замечания и представит свой доклад Совету по правам человека в марте 2021 года.

III. Психологическая пытка

A. Справочная информация

11. Всеобщий запрет на пытки признан имеющим абсолютный, не допускающий отступлений и императивный характер и подтвержден во многих международных документах по правам человека, гуманитарному и уголовному праву. С тех пор как он был впервые провозглашен в статье 5 Всеобщей декларации прав человека, международное сообщество создало солидные нормативные и институциональные рамки для его осуществления (A/73/207, пункты 5–18). Но при этом многие государства выделяют значительные ресурсы на разработку методов пыток, которые

могут достигать таких целей, как принуждение, запугивание, наказание, унижение или дискриминация, не причиняя легко выявляемых физических повреждений и не оставляя физических следов (A/73/207, пункт 45)¹.

12. В продолжение экспериментов, проводившихся нацистским режимом на заключенных концлагерей во время Второй мировой войны², в эпоху холодной войны появились засекреченные крупномасштабные и долгосрочные проекты с систематическими экспериментами по «контролю разума» с участием тысяч заключенных, пациентов психиатрических клиник и добровольцев, которым не были известны истинный характер и цели этих опытов, а также их серьезная опасность для здоровья³. Эти эксперименты привели к принятию и распространению на международном уровне методологий ведения допроса, которые, несмотря на их эвфемистическое описание как «жесткий», «глубокий», «нестандартный» или «особый» метод допроса, «умеренное физическое давление», «методы обработки», «эксплуатация людских ресурсов» и даже «чистые» или «белые» пытки, явно противоречили как медицинской этике, так и запрету на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания⁴. В то время как некоторые из этих методов предусматривали значительное физическое насилие, другие носили именно психологический характер. В недавнем прошлом некоторые из этих подходов вновь появились, прежде всего в связи с пытками в ходе допросов в контексте борьбы с терроризмом⁵, задержанием «нелегальных мигрантов» на основе методов «сдерживания» (см. A/HRC/37/50), предполагаемым массовым лишением свободы в целях политического «перевоспитания»⁶ и злоупотреблениями в отношении отдельных узников совести⁷. Новые и новейшие технологии также порождают беспрецедентные инструменты и условия нефизического взаимодействия, которые должны надлежащим образом учитываться в современном толковании запрещения пыток.

13. Мандатарии давно признали «психологическую» или «психическую» пытку в качестве понятия, по своему содержанию отличного от физической пытки (см. E/CN.4/1986/15), рассмотрели конкретные методы или контексты

¹ Linda Piwowarczyk, Alejandro Moreno and Michael Grodin, “Health care of torture survivors”, *Journal of the American Medical Association (JAMA)*, vol. 284, No. 5 (2 August 2000).

² Jonathan D. Moreno, “Acid brothers: Henry Beecher, Timothy Leary, and the psychedelic of the century”, *Perspectives in Biology and Medicine*, vol. 59, No. 1 (Winter 2016), pp. 108–109.

³ Прежде всего “Project MKUltra, the CIA’s Programme of Research in Behavioural Modification” (1953–1973).

⁴ United States of America, Central Intelligence Agency, *KUBARK Counterintelligence Interrogation* (1963), sect. IX; United States, Central Intelligence Agency; *Human Resource Exploitation Training Manual* (1983); United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, “Deep interrogation (five techniques)”, litigated at the European Court of Human Rights, *Ireland v. the United Kingdom*, Application No. 5310/71, Judgment, 18 January 1978; Заявление Президента Франции Эммануэля Макрона, сделанное 13 сентября 2018 года по поводу смерти Мориса Одена, в котором он признал, что сменявшие друг друга французские правительства применяли в Алжире систему политических пыток и исчезновений; Lawrence E. Hinkle, Jr. and Harold G. Wolff, “Communist interrogation and indoctrination of ‘enemies of the state’: analysis of methods used by the communist state police – a special report”, *American Medical Association Archives of Neurology and Psychiatry*, vol. 76, No. 2 (August 1956); и Scott Shane, “U.S. interrogators were taught Chinese coercion techniques”, *New York Times*, 2 July 2008.

⁵ United States, Senate Select Committee on Intelligence, *Committee Study of the Central Intelligence Agency’s Detention and Interrogation Program* (2014).

⁶ CAT/C/CHN/CO/5, пункт 42; а также два сообщения, подписанные в том числе Специальным докладчиком: сообщения № OL/CHN18/2019 от 1 ноября 2019 года и № OL/CHN15/2018 от 24 августа 2018 года. См. также “China cables”, имеется по адресу www.icij.org/investigations/china-cables/read-the-china-cables-documents/.

⁷ См. прежде всего сообщения, направленные Специальным докладчиком и его предшественником по делу Брэдли/Челси Мэннинг, сообщения № UA G/SO 214 (53-24) USA 8/2011 от 15 июня 2011 года; и № AL USA 22/2019 от 1 ноября 2019 года; и Джулиана Ассанжа, сообщения № UA/GBR/3/2019 от 27 мая 2019 года; и № UA GBR 6/2019 от 29 октября 2019 года.

психологической пытки⁸ и указали на конкретные проблемы, возникающие в связи с расследованием и возмещением ущерба, причиненного в результате такого рода злоупотреблений (A/HRC/13/39/Add.5, пункт 55), а также на неразрывную связь между психологической пыткой и принудительными методами допроса (A/71/298, пункты 37–45). Они также посвятили полный тематический доклад практике одиночного заключения (A/66/268), выступили за разработку руководящих принципов непринудительных методов опросов (см. A/71/298), поддержали недавнее обновление Руководства по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) и повысили осведомленность о проблемах, связанных с психологическими пытками, в многочисленных индивидуальных сообщениях. 26 июня 2019 года по случаю Международного дня в поддержку жертв пыток Специальный докладчик начал свои тематические консультации по этой теме на параллельном мероприятии в рамках сорок первой сессии Совета по правам человека, включая дискуссию экспертов по теме «Границы между непринудительными методами расследования и психологическими пытками» и показ документального фильма «Выдающиеся монстры», рассказывающего об истории и разрушительных последствиях современных психологических пыток⁹.

14. Хотя эти инициативы в целом были положительно восприняты государствами, национальная практика по-прежнему имеет тенденцию отрицать, игнорировать, неправильно истолковывать или принижать значение психологических пыток как того, что можно эвфемистически описать как «легкая пытка», в то время как «настоящие пытки» по-прежнему понимаются главным образом как требующие причинения физической боли или страданий (так называемая «материалистическая предвзятость»)¹⁰. В некоторых государствах даже приняты национальные определения пыток, исключаяющие психическую боль или страдания, или толкования, согласно которым для того, чтобы считаться пыткой, требуется, чтобы психическая боль или страдания были вызваны угрозой или причинением физической боли или страданий, угрозами неминуемой смерти или глубоким нарушением психики. Как Комитет против пыток, так и мандатарии отвергли эти подходы как противоречащие Конвенции против пыток¹¹. Однако, помимо этого, использование термина «психологическая пытка» в юриспруденции и правозащитной деятельности по-прежнему носит фрагментарный характер, и как юристы, так и медицинские эксперты давно призывают к его разъяснению¹².

15. В свете этих соображений в настоящем докладе Специальный докладчик

- a) рассматривает преобладающие концептуальные расхождения, возникающие в связи с понятием «психологическая пытка»;
- b) предлагает рабочие определения «психологической» и «физической» пытки с точки зрения международного права прав человека;

⁸ См., например, A/74/148, пункты 32–34; A/59/324, пункт 17; и E/CN.4/2006/120, пункт 52.

⁹ См. www.hopscotchfilms.co.uk/news/2019/7/26/eminant-monsters-to-be-screened-at-a-united-nations-side-event.

¹⁰ David Luban and Henry Shue, “Mental torture: a critique of erasures in U.S. law”, *Georgetown Law Journal*, vol. 100, No. 3 (March 2012).

¹¹ A/HRC/13/39/Add.5, пункт 74; CAT/C/USA/CO/3-5, пункт 9; CAT/C/GAB/CO/1, пункт 7; CAT/C/RWA/CO/1, пункт 7; CAT/C/CHN/CO/4, пункт 33; и CAT/C/CHN/CO/5, пункт 7.

¹² См., например, Pau Pérez-Sales, *Psychological Torture: Definition, Evaluation and Measurement* (London, Routledge, 2017); Hernán Reyes, “The worst scars are in the mind: psychological torture”, *International Review of the Red Cross*, vol. 89, No. 867 (September 2007); Ergun Cakal, “Debility, dependency and dread: on the conceptual and evidentiary dimensions of psychological torture”, *Torture*, vol. 28, No. 2 (2018); Almerindo E. Ojeda, ed., *The Trauma of Psychological Torture* (West Port, Connecticut, Praeger Publishers, 2008); Nora Sveaass, “Destroying minds: psychological pain and the crime of torture”, *City University of New York Law Review*, vol. 11, No. 2 (Summer 2008), p. 303; и Metin Başoğlu, ed., *Torture and its Definition in International Law: An Interdisciplinary Approach* (New York, Oxford University Press, 2017), pp. 397 and 492.

с) предлагает рекомендации относительно толкования составных элементов пыток в контексте психологических пыток;

д) предлагает неисчерпывающую, исходящую из потребностей аналитическую основу, способствующую выявлению конкретных методов, приемов или обстоятельств, которые представляют собой психологические пытки или способствуют их применению;

е) иллюстрирует, как различные сочетания методов, приемов и обстоятельств, не все из которых могут быть равносильны пыткам, если их рассматривать изолированно и вне контекста, могут образовывать «среду для применения пыток», нарушая запрет на применение пыток;

ф) поощряет толкование запрета на применение пыток в соответствии с современными возможностями и проблемами, возникающими в связи с появлением новейших технологий, и рассматривает, в предварительном порядке, что именно понимается и каковы основные контуры того, что может быть охарактеризовано как «киберпытка».

16. Специальный докладчик провел широкие исследования и консультации с заинтересованными сторонами, в том числе путем открытого призыва к представлению материалов на основе вопросника¹³. В настоящем докладе отражены соответствующие выводы и рекомендации Специального докладчика. Учитывая существенный охват и сложность темы, а также применимые ограничения по времени и количеству слов, он рассматривает только понятие психологической «пытки». Поскольку на практике «пытки» и «другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания» зачастую тесно взаимосвязаны, требуются дальнейшие исследовательские усилия для прояснения более широкой темы жестокого психологического обращения.

В. Понятие психологической пытки

1. Рабочее определение

17. «Психологическая пытка» не является техническим термином в международном праве, а используется в различных дисциплинах, включая юриспруденцию, медицину, психологию, этику, философию, историю и социологию, в различных целях и с различными толкованиями. Специальный докладчик признает, что все эти толкования имеют свою собственную легитимность, обоснованность и цель в своих соответствующих областях. В соответствии с предоставленным ему мандатом в настоящем докладе он рассматривает понятие «психологической пытки» с точки зрения международного права прав человека.

18. Согласно статье 1 Конвенции против пыток, понятие «пытка» по существу включает в себя, прежде всего, умышленное и целенаправленное причинение сильной боли или страдания, «физического или нравственного». Именно это прямое сопоставление «нравственной» и «физической» боли или страдания обычно называют правовой основой понятия психологической пытки. Соответственно, в праве прав человека «психологическая» пытка чаще всего понимается как указание на причинение «психической» боли или страданий, в то время как «физическая» пытка обычно ассоциируется с причинением «физической» боли или страданий¹⁴.

19. В соответствии с этой позицией, которую разделяли предыдущие мандатарии (E/CN.4/1986/15, пункт 118), Специальный докладчик считает, что в соответствии с правом прав человека «психологическая пытка» должна толковаться как включающая все методы, приемы и обстоятельства, которые предназначены или задуманы для целенаправленного причинения сильной психической боли или страданий без использования канала или воздействия сильной физической боли или страданий. Специальный докладчик далее считает, что «физические пытки» следует толковать как

¹³ См. <http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Torture/Call/QuestionnairePsychologicalTorture.docx>.

¹⁴ Luban and Shue, "Mental torture".

включающие в себя все методы, приемы и условия, предназначенные или разработанные для целенаправленного причинения сильной физической боли или страданий, независимо от одновременного причинения психической боли или страданий.

2. Отличие «методов» от «воздействия» и «обоснований»

20. Хотя предлагаемое разграничение между «физическими» и «психологическими» методами пыток представляется довольно простым и вытекающим непосредственно из текста Конвенции, его последовательное и согласованное применение сопряжено с рядом оговорок, связанных с тем, что более широкое обсуждение психологического аспекта пытки можно разделить по меньшей мере на три параллельных и одинаково важных направления, которые касаются психологических методов (т. е. приемов), психологического воздействия (т. е. последствий) и психологического обоснования (т. е. цели) пытки.

21. Во-первых, разграничение психологических и физических методов пыток не должно заслонять тот факт, что по закону «пытка» является единым понятием. Все методы пыток подпадают под один и тот же запрет и порождают одни и те же юридические обязательства, независимо от того, носят ли причиняемая боль или страдания «физический», «психический» характер или же являются их сочетанием. Таким образом, разграничение «психологических» и «физических» методов пыток преследует своей целью не показать какое-либо различие с точки зрения правовых последствий или противоправности, а уточнить, в какой степени общий запрет на применение пыток охватывает методы, не использующие в качестве средства или воздействия сильной физической боли или страданий.

22. Во-вторых, обсуждение психологических методов (т. е. приемов) пыток не следует смешивать с обсуждением психологического воздействия (т. е. последствий) пыток. В действительности, как физические, так и психологические методы пыток оказывают как физическое, так и психологическое воздействие (E/CN.4/1986/15, пункт 118). Таким образом, причинение физической боли или страданий почти всегда также приводит к психическим страданиям, включая тяжелую травму, тревожность, депрессию и другие формы психического и эмоционального ущерба. Аналогичным образом причинение психической боли или страданий также влияет на функции организма и, в зависимости от интенсивности и продолжительности, может привести к непоправимому физическому ущербу или даже смерти, в том числе в результате нервного срыва или сердечно-сосудистой недостаточности. Что касается силы, то было доказано, что психологические и физические стрессовые факторы причиняют равные по своей силе страдания (A/HRC/13/39, пункт 46)¹⁵. Поэтому с психофизиологической точки зрения различие между «физической» и «психологической» пыткой имеет главным образом концептуальное, аналитическое и педагогическое преимущество и не предполагает параллельного существования на практике двух отдельных и взаимоисключающих аспектов пытки или какой-либо иерархичности между «физической» и «психологической» пыткой по их силе.

23. В-третьих, отличительным аспектом психологической стороны пытки является ее сугубо психологическое обоснование (т. е. цель). С функциональной точки зрения любая форма пытки представляет собой намеренное использование сильной боли и страданий как инструмента достижения конкретной цели (A/72/178, пункт 31). Методологически эти цели могут быть достигнуты путем причинения «физической» или «психической» боли или страданий, или их сочетания, и в каждом случае они вызывают различные сочетания физических и психологических последствий. Однако с функциональной точки зрения пытки никогда не имеют исключительно физического характера, а всегда направлены на то, чтобы воздействовать на разум и эмоции жертв или на третьих лиц, являющихся их мишенью¹⁶. Многие методы физической пытки преднамеренно создают и используют обессиливающие внутренние конфликты, например заставляя пленников оставаться в физически болезненных неудобных позах

¹⁵ Başoğlu, "Torture and its definition in international law", p. 37.

¹⁶ Sveaass, "Destroying minds", pp. 313–314.

под угрозой изнасилования в случае неповиновения. Аналогичный внутренний конфликт может быть спровоцирован без физической боли, например приказав содержащемуся под стражей лицу мастурбировать перед охранниками и заключенными, опять же под угрозой изнасилования в случае неповиновения. Таким образом, различие между «физической» и «психологической» пыткой не подразумевает какой-либо разницы в ее функциональном обосновании, а скорее относится к выбору метода, с помощью которого лицо, применяющее пытку, добивается поставленной цели.

3. Отличие психологической пытки от физической пытки «без следов» и «без прикосновений»

24. Хотя методы пыток, влекущие за собой видимые телесные повреждения, обычно не называют «психологической пыткой», этот термин иногда смешивают с пыткой «без следов», цель которой заключается в том, чтобы избежать видимых следов на теле жертвы, и пыткой «без прикосновений», чья цель заключается в том, чтобы избежать причинения боли или страданий путем прямого физического воздействия. В действительности, однако, как пытки «без следов», так и пытки «без прикосновений» также могут носить физический характер и в этом случае отличаются от психологических пыток.

25. Если говорить более конкретно, то, несмотря на то, что задача физической пытки «без следов» заключается в том, чтобы не оставлять видимых следов на теле жертвы, ее цель, тем не менее, достигается путем преднамеренного причинения сильной физической боли или страданий. Некоторые «бесследные» физические методы позволяют сразу же и непосредственно добиться искомой физической боли или страданий, такие как удары изолированными предметами по отдельным частям тела, имитация утопления («погружение под воду», или «мокрая подводная лодка») или удушение полиэтиленовыми пакетами («сухая подводная лодка»). Другие «бесследные» физические методы включают в себя длительное и/или кумулятивное причинение физической боли или страданий, которые изначально «малоинтенсивны» и рассчитаны на постепенное доведение до степени невыносимости, как, например, вынужденное стояние или сидение на корточках, или сковывание в неудобных позах. Хотя все эти методы рассчитаны на то, чтобы избежать появления физических следов, видимых невооруженным глазом и непрофессиональному наблюдателю, многие из них все же приводят к физическим последствиям, таким как отеки, ссадины, ушибы и раздражения, которые могут быть легко обнаружены и задокументированы опытными судебно-медицинскими экспертами в срок от нескольких дней до нескольких недель. Однако на практике возникновение препятствий и задержек, а также отсутствие опыта, возможностей и желания со стороны следственных органов приводят к тому, что подавляющее большинство утверждений о «бесследных» пытках либо не расследуются вообще, либо без труда отклоняются за отсутствием доказательств.

26. Аналогичным образом физическая пытка «без прикосновений» позволяет избежать прямого физического воздействия, но при этом намеренно манипулирует физиологическими потребностями, функциями и реакциями или использует их для причинения физической боли или страданий. Обычно такая пытка включает в себя боль, причиняемую через неудобные позы под воздействием угроз, или мощное сенсорное или физиологическое раздражение, вызванное экстремальными температурами, громким шумом, ярким светом или неприятными запахами, лишением сна, пищи или жидкости, предотвращением или провоцированием мочеиспускания, дефекации или рвоты, либо воздействием фармацевтических веществ или абстинентного наркотического синдрома. Несмотря на то, что эти методы преднамеренно используют тело жертвы как канал причинения боли и страданий, их иногда обсуждают в контексте психологических пыток, главным образом в силу их психологической подоплеку и умышленного дестабилизирующего воздействия на человеческий разум и эмоции, а также ограниченного физического контакта между палачом и жертвой. Однако если методы «без прикосновений» причиняют сильную физическую боль или страдания любого рода, их следует рассматривать как физическую пытку.

С. Применение составных элементов

27. Понятие психологической пытки в том виде, в каком оно определено выше, вызывает ряд вопросов толкования определяющих элементов, из которых состоят пытки, помимо того, что говорилось в предыдущих докладах (A/72/178, пункт 31; A/73/207, пункты 6–7; и E/CN.4/2006/6, пункты 38–41). Все эти вопросы касаются «материальных» компонентов определения, которые определяют действия, равнозначные пытке, в то время как «атрибутивный» компонент, который определяет степень участия государственного субъекта, необходимую для того, чтобы пытка повлекла за собой ответственность государства, подробно обсуждался в предыдущих докладах и не нуждается в повторном рассмотрении здесь (A/74/148, пункт 5).

1. Сильная боль или страдание

28. Международные механизмы по борьбе с пытками не оставили никаких сомнений в том, что определение пытки не обязательно требует причинения физической боли или страданий, а может также включать психическую боль или страдания¹⁷. Однако следует подчеркнуть, что разрушительные последствия психологических пыток зачастую недооцениваются.

29. Толкование требуемого уровня «силы» причиняемой боли более противоречиво, чем эта основополагающая дихотомия между физическим и психическим. Хотя объективное измерение физической боли или страданий ведет к непреодолимым трудностям и повлекло за собой многочисленные неудовлетворительные попытки авторитетно классифицировать методы пыток на основе полученных физических увечий и необратимых нарушений, эти проблемы еще более усугубляются при попытке объективно оценить психическую или эмоциональную боль или страдания¹⁸. Уже подчеркивалось, что термин «сильный» не предполагает боли или страданий, сравнимых с болью, сопровождающей серьезные телесные повреждения, такие как прекращение работы органов, нарушение функций организма или даже смерть (E/CN.4/2006/6; и A/HRC/13/39, пункт 54). Однако термин «пытка» также не должен использоваться для обозначения простых неудобств или дискомфорта, явно не позволяющих достичь целей, перечисленных в определении пытки.

30. Достижение требуемого порога силы в конкретном случае может зависеть от широкого круга факторов, которые являются эндогенными и экзогенными для отдельного человека, таких как возраст, пол, состояние здоровья и степень уязвимости, а также длительность воздействия и накопление других физических или психических стрессовых факторов и состояний, личная мотивация и стойкость и контекстуальные обстоятельства¹⁹. Все эти элементы должны оцениваться совокупно в каждом конкретном случае и в свете конкретной цели, преследуемой соответствующим обращением или наказанием. Например, угроза нахождения под стражей до утра в сочетании со словесными оскорблениями может быть достаточно сильной, чтобы принудить к чему-либо или запугать ребенка, в то время как это же действие может оказать лишь незначительное воздействие на взрослого или вообще его не оказать, не говоря уже о матером правонарушителе. Сила боли или страданий, вызванных конкретным видом жестокого обращения, не обязательно постоянна и имеет тенденцию увеличиваться или изменяться по мере того, как продолжается воздействие и растет количество стрессовых факторов. Кроме того, хотя пытки представляют собой «отягченную» форму жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство

¹⁷ Замечание общего порядка № 20 (1992) Комитета по правам человека о запрещении пыток или других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, пункт 5; см. также примеры правовой практики Комитета против пыток, приведенные в сноске 11 выше.

¹⁸ Pérez-Sales, *Psychological Torture*, p. 284.

¹⁹ Inter-American Court of Human Rights, *Lysias Fleury and Others v. Haiti*, Judgment, 23 November 2011, para. 73.

обращения и наказания²⁰, «отягчение» не обязательно означает обострение боли и страданий, а относится к отягчающим обстоятельствам правонарушения с точки зрения преднамеренного и целенаправленного использования боли и страданий в корыстных целях. Таким образом, фактором, составляющим отличие между пытками и другими формами жестокого обращения, является не интенсивность причиненных страданий, а скорее цель соответствующих действий, намерение злоумышленника и беспомощность жертвы (A/72/178, пункт 30; и A/HRC/13/39, пункт 60)²¹.

31. Из некоторых договорных положений даже следует, что понятие пытки включает в себя действия, которые, по крайней мере, потенциально вообще не сопряжены с какой-либо субъективно испытываемой болью или страданиями. Так, статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах прямо запрещает «медицинские или научные опыты без свободного согласия». Хотя в этом положении не уточняется, будет ли такое поведение равносильно «пытке» или другому «жестокému, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению», из содержащегося в нем прямого упоминания следует, что такое поведение рассматривается как особо серьезное нарушение этого запрета. Еще более четко в этом отношении сформулирована имеющая только региональную применимость статья 2 Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них, в которой «пытки» прямо определяются как включающие «методы, направленные на уничтожение личности жертвы или на снижение ее физических или умственных способностей, даже если они не причиняют физической боли или психических мучений». В связи с этим после ратификации Конвенции против пыток Соединенные Штаты выразили свое понимание того, что «психическая боль или страдания» означает «имеющий долгосрочные последствия психический ущерб», причиняемый, в частности, угрозой или фактическим «введением или применением веществ, изменяющих сознание, или применением других процедур, рассчитанных на глубокое расстройство чувств или личности», причем эта формулировка призвана запретить некоторые методы допроса, разработанные Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов Америки (ЦРУ) во время холодной войны, а также намеренно сузить определение, содержащееся в Конвенции²². Хотя Комитет отверг это толкование как слишком узкое и заявил, что психологические пытки не могут ограничиваться «имеющим долгосрочные последствия психическим ущербом» (CAT/C/USA/CO/2, пункт 13; и CAT/C/USA/CO/3-5, пункт 9), он не пояснил, может ли использование «процедур, рассчитанных на глубокое расстройство чувств или личности» быть равносильно пытке даже в отсутствие субъективно ощущаемой боли или страданий. Хотя этот вопрос уже был важным для составителей различных текстов договоров в эпоху холодной войны, в настоящее время его практическая значимость выросла в геометрической прогрессии.

32. С учетом стремительного развития медицины, фармацевтики и нейротехнологий, а также кибернетики, робототехники и искусственного интеллекта трудно предсказать, в какой степени будущие методы и условия применения пыток, а также «повышение человеческих возможностей» потенциальных жертв и исполнителей с точки зрения их психической и эмоциональной устойчивости позволят обойти и подавить субъективное переживание боли и страданий или иным образом манипулировать им при одновременном достижении целей пыток и их крайне бесчеловечном, разрушительном и вызывающем беспомощность воздействии²³.

²⁰ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, статья 1.

²¹ Gerrit Zach, "Definition of torture", in Manfred Nowak, Moritz Birk and Giuliana Monina, eds., *The United Nations Convention against Torture and its Optional Protocols: A Commentary*, 2nd ed. (Oxford, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Oxford University Press, 2019), p. 47.

²² David Luban and Katherine S. Newell, "Personality disruption as mental torture: the CIA, interrogational abuse, and the U.S. Torture Act", *Georgetown Law Journal*, vol. 108, No. 2 (January 2020), pp. 335–336 and 373–374, содержащие ссылку на раздел 18 Свода законов Соединенных Штатов sect. 2340(2)(B), 2012.

²³ A/HRC/23/47, пункт 54; Adam Henschke, "'Super soldiers': ethical concerns in human enhancement technologies", *Humanitarian Law and Policy blog*, 3 July 2017; и Nayef Al-Rodhan, "Inevitable

С учетом того, что государства должны добросовестно толковать и выполнять свои международные обязательства в отношении запрещения пыток (Венская конвенция о праве международных договоров, статьи 26 и 31) и в свете эволюции ценностей демократических обществ (A/HRC/22/53, пункт 14)²⁴ представляется, что если, например, исключить из определения пытки глубокое нарушение психической идентичности, способности или автономии человека только потому, что субъективное переживание или воспоминание жертвы о «психических страданиях» подвергалось фармацевтическим, гипнотическим или иным манипуляциям или методам подавления, то это противоречит предмету и цели всеобщего, абсолютного и не допускающего отступлений запрещения пыток.

33. Предыдущие Специальные докладчики заявляли, что «оценка степени страданий или боли, относительная по своему характеру, требует учета обстоятельств дела, включая... приобретения или ухудшения инвалидности результатом обращения или условий, в которых содержалась жертва» и что «медицинское лечение инвазивного и необратимого характера» в отсутствие терапевтической цели, применяемое или назначаемое без свободного и осознанного согласия, может представлять собой пытку или жестокое обращение (A/63/175, пункты 40 и 47; и A/HRC/22/53, пункт 32). Опираясь на эту традицию, Специальный докладчик считает, что порог сильных «психических страданий» может быть достигнут не только за счет субъективного переживания страданий, но и, в случае отсутствия субъективного переживания страданий, также исключительно за счет объективного причинения психического ущерба. В любом случае, даже если преднамеренное и целенаправленное причинение психического ущерба не достигает порога, когда оно считается пыткой, оно почти всегда будет равнозначно «другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания».

2. Преднамеренность

34. Психологическая пытка требует преднамеренного причинения психической боли или страданий и поэтому не включает в себя чисто халатное поведение. Преднамеренность не требует того, чтобы причинение сильной психической боли или страданий было субъективным желанием виновного лица, а лишь того, чтобы их при обычном развитии событий можно было бы разумно предвидеть в результате умышленных действий виновного лица (A/HRC/40/59, пункт 41; и A/HRC/37/50, пункт 60). Кроме того, преднамеренность не требует активных действий, но может также включать умышленное бездействие, например использование тяжелого абстинентного синдрома в отношении задержанных лиц, страдающих наркотической зависимостью, когда получение ими замещающего препарата или терапии поставлено в зависимость от признания, показаний или иной формы сотрудничества (A/73/207, пункт 7). В тех случаях, когда причинение сильной психической боли или страданий может быть результатом совокупного воздействия множественных обстоятельств, действий или бездействия нескольких участников, например в случае групповой травли, преследования и других форм согласованных или коллективных злоупотреблений, требуемая преднамеренность должна рассматриваться как присутствующая в отношении каждого государства или отдельного лица, которое сознательно и умышленно способствует достижению запрещенного результата, будь то путем совершения правонарушения, покушения на его совершение, соучастия или участия (Конвенция, пункт 1 статьи 4).

3. Целенаправленность

35. Для того чтобы считаться психологической пыткой, сильная психическая боль или страдания должны причиняться не только умышленно, но и «чтобы получить от жертвы или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие,

---

transhumanism? How emerging strategic technologies will affect the future of humanity”, Center for Security Studies blog, 29 October 2013.

²⁴ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ), “Interpretation of torture in light of the practice and jurisprudence of international bodies”, 2011, p. 8.

которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо», или «по любой причине, основанной на дискриминации любого характера» (Конвенция, статья 1). Хотя перечисленные цели носят лишь ориентировочный характер и не являются исчерпывающими, относящиеся к этому вопросу цели должны иметь «нечто общее с конкретно перечисленными целями» (A/HRC/13/39/Add.5, пункт 35). В то же время перечисленные цели сформулированы настолько широко, что трудно представить себе реальную жизненную ситуацию, при которой целенаправленное причинение беспомощному человеку сильной психической боли или страданий не будет подпадать под определение пыток (A/72/178, пункт 31).

36. Хотя толкование таких целей, как «допрос», «наказание», «запугивание» и «принуждение», является довольно простым, то, как в Конвенции трактуется понятие «дискриминация», требует уточнения, поскольку это единственный признак, сформулированный не с точки зрения преднамеренной «цели». Для того чтобы дискриминационные меры были равносильны пыткам, достаточно, чтобы они преднамеренно причиняли сильную боль или страдания «по причинам, связанным с дискриминацией любого характера». Поэтому требуется, чтобы соответствующее поведение имело не дискриминационную «цель», а лишь дискриминационную «взаимосвязь». С точки зрения договорного права это включает любое различие, исключение или ограничение по причине дискриминации любого характера, целью или результатом которой является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области (A/63/175, пункт 48)²⁵.

37. Следует подчеркнуть, что якобы доброжелательные цели сами по себе не могут служить оправданием принудительных или дискриминационных мер. Например, такие виды практики, как принудительный аборт, стерилизация или психиатрическое лечение по причине «медицинской необходимости» или «в наилучших интересах» пациента (A/HRC/22/53, пункты 20 и 32–35; и A/63/175, пункт 49), или насильственное интернирование с целью «перевоспитания» политических или религиозных диссидентов²⁶, «духовного исцеления» психических заболеваний (A/HRC/25/60/Add.1, пункты 72–77) или для проведения «конверсионной терапии», связанной с гендерной идентичностью или сексуальной ориентацией (A/74/148, пункты 48–50), как правило, сопряжены с весьма дискриминационными и принудительными попытками контролировать или «исправлять» личность, поведение или выбор жертвы и почти всегда причиняют сильную боль или страдание. Поэтому, по мнению Специального докладчика, при наличии всех других определяющих элементов такие виды практики вполне могут быть приравнены к пыткам.

38. И последнее, но не менее важное: учитывая, что сбор информации является неотъемлемой частью законных процессов расследования и установления фактов, необходимо прояснить границы между допустимыми методами расследования, не связанными с принуждением, и запрещенным принудительным допросом. Хотя это конкретное различие имеет большое практическое значение, оно не будет обсуждаться в настоящем докладе, поскольку уже было подробно рассмотрено в полном тематическом докладе, представленном предыдущим Специальным докладчиком (A/71/298), что положило начало важному процессу текущей разработки

²⁵ Конвенция о правах инвалидов, статья 2; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, статья 1; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, статья 1; Всеобщая декларация прав человека, статья 7; и Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 26.

²⁶ CAT/C/CHN/CO/5, пункт 42; а также два сообщения, подписанные в том числе Специальным докладчиком: сообщения № OL/CHN18/2019 от 1 ноября 2019 года и № OL/CHN15/2018 от 24 августа 2018 года. См. также “China cables”, имеется по адресу www.icij.org/investigations/china-cables/read-the-china-cables-documents/.

международных руководящих принципов ведения опросов в рамках расследований и связанных с ними гарантий²⁷.

4. Беспомощность

39. Мандатарии последовательно придерживались мнения о том, хотя в тексте договора это прямо не упоминается, «беспомощность» жертвы является одним из определяющих предварительных условий применения пыток (A/63/175, пункт 50; A/73/207, пункт 7; A/HRC/13/39, пункт 60; и A/HRC/22/53, пункт 31). Как было показано, «все цели, перечисленные в статье 1 Конвенции против пыток, а также подготовительные материалы к Декларации и Конвенции относятся к ситуации, когда жертвой пытки является лицо, находящееся под стражей, или лицо, «находящееся по крайней мере в фактической власти или под контролем лица, причиняющего боль или страдания», и когда лицо, совершающее пытку, пользуется неравенством этой ситуации и властью для достижения определенной цели, например принудительного получения информации, запугивания или наказания»²⁸.

40. На практике «беспомощность» возникает всякий раз, когда кто-либо находится под непосредственным физическим или равнозначным контролем преступника и фактически утратил способность противостоять причиняемым боли и страданиям или избежать их (A/72/178, пункт 31). Как правило, это происходит в ситуациях физического содержания под стражей, таких как арест и содержание под стражей, помещение в специальные учреждения, госпитализация или интернирование или любая другая форма лишения свободы. В отсутствие физического содержания под стражей беспомощность может также возникнуть в результате использования нательных устройств, способных наносить удары электрическим током и управляемых дистанционно, поскольку они вызывают «полное подчинение жертвы независимо от физического расстояния» (A/72/178, пункт 51). Ситуация фактической беспомощности может также быть достигнута путем «лишения правоспособности, когда у какого-либо лица отнимают и отдают другим лицам полномочия на принятие решений» (A/63/175, пункт 50; и A/HRC/22/53, пункт 31), путем серьезных и непосредственных угроз или принудительного контроля в условиях, например, домашнего насилия (A/74/148, пункты 32–34), посредством использования лекарственных препаратов для приведения жертвы в беспомощное состояние и, в зависимости от обстоятельств, в социальном контексте в условиях коллективно организованной травли, кибертравли и поддерживаемого государством преследования, когда жертвы лишены любой возможности эффективно противостоять жестокому обращению или избежать его.

5. Исключение для «законных санкций»

41. Определение пытки, содержащееся в Конвенции, прямо исключает «боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно» (пункт 1 статьи 1). В то же время защитительная оговорка в пункте 2 статьи 1 Конвенции четко указывает, что это исключение не может толковаться в ущерб другим международным договорам или национальному законодательству, которое содержит или может содержать более широкое определение пытки. Было показано, что термин «международный договор» охватывает как имеющие обязательную силу международные договоры, так и не имеющие обязательной силы декларации, принципы и другие документы «мягкого права»²⁹. В частности, положение о «законных санкциях» может быть точно понято только в сочетании с Декларацией 1975 года о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, из которой оно непосредственно вытекает и которая исключает из определения пыток только те законные санкции, которые «соответствуют Минимальным стандартным правилам в отношении обращения с заключенными» (статья 1). Так, например, даже если это разрешено внутренним законодательством, ни

²⁷ См. <https://apt.ch/en/universal-protocol-on-non-coercive-interviews/>.

²⁸ Zach, “Definition of torture”, pp. 56–59. См. также Римский статут Международного уголовного суда, пункт 2 е) статьи 7.

²⁹ Zach, “Definition of torture”, pp. 56–59.

один из следующих методов причинения психической боли или страданий не может рассматриваться в качестве «законных санкций»: длительное или бессрочное одиночное заключение; помещение в камеру без освещения или в постоянно освещаемую камеру; коллективное наказание; и запрет на контакты с членами семьи³⁰.

42. Важно отметить, что для того, чтобы быть «законными», санкции не могут быть бессрочными и носить неопределенный либо явно чрезмерный характер по отношению к их цели и должны быть четко определены, ограничены и соразмерны. Например, хотя наказание свидетеля за отказ от дачи показаний в суде в виде фиксированного денежного штрафа или даже тюремного заключения на заранее установленный срок может быть законным, использование бессрочного содержания под стражей и накопление денежных штрафов в качестве все более сурового средства принуждения проявляющего упорство свидетеля к даче показаний нанесло бы ущерб самому предмету и цели Конвенции и, следовательно, было бы равносильно психологической пытке, независимо от ее «законности» в рамках внутреннего законодательства³¹. В более общем плане Специальный докладчик согласен с тем пониманием, что слово «законный» относится как к внутреннему, так и к международному праву³².

D. Преобладающие методы психологической пытки

43. В настоящем разделе Специальный докладчик стремится дать общий обзор характеристик, обоснования и последствий некоторых из наиболее распространенных методов психологической пытки. В отличие от физической пытки, при которой тело и его физиологические потребности используются в качестве средства воздействия на разум и эмоции жертвы, психологическая пытка делает это, непосредственно воздействуя на основные психологические потребности, такие как чувства безопасности, самоопределения, достоинства и самосознания, ориентации в окружающей среде, эмоционального равновесия и доверия к обществу.

44. Нижеследующее отдельное обсуждение конкретных методов, а также их категоризация на основе обычных психологических потребностей не претендуют на авторитетность, полноту или отсутствие дублирования, или на то, чтобы служить исчерпывающим возможным или надлежащим описанием или классификацией методов психологической пытки для различных целей³³. Речь скорее идет о создании легкодоступных базовых аналитических рамок, облегчающих выявление отдельных методов, приемов или обстоятельств, которые, не используя средство или последствия сильной физической боли или страданий, могут быть равносильны пыткам, запрещенным международным правом прав человека, или способствовать их применению как отдельно, так и в сочетании с другими психологическими или физическими методами, приемами и обстоятельствами.

45. Учитывая практически неограниченное число форм, которые могут принимать пытки, избранные примеры приводятся только в иллюстративных целях. Различные методы пыток могут оказывать схожее или дублирующее друг друга воздействие или усиливать друг друга какими-либо еще способами. На практике конкретные методы пыток редко применяются отдельно, а почти всегда сочетаются с другими методами, приемами и обстоятельствами, образуя то, что было удачно охарактеризовано как «среда применения пыток»³⁴. Поэтому нижеследующее отдельное обсуждение конкретных методов имеет прежде всего дидактические и аналитические цели и не

³⁰ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), правило 43.

³¹ См. прежде всего индивидуальное сообщение, направленное Специальным докладчиком по делу Челси Мэннинг, сообщение № AL USA 22/2019 от 1 ноября 2019 года.

³² Zach, "Definition of torture", note 147.

³³ На предмет других вариантов категоризации см., например, Almerindo E. Ojeda, "What Is psychological torture?", in Ojeda, ed., *The Trauma of Psychological Torture*, pp.1–2; и Pérez-Sales, *Psychological Torture*, pp. 257–258.

³⁴ Pérez-Sales, *Psychological Torture*, p. 284.

должно рассматриваться как свидетельство того, что любые подобные жесткие классификации образуют точную проекцию на различные практические проявления пыток.

1. Безопасность (устрашение и создание фобии и тревожности)

46. Возможно, самым примитивным методом психологической пытки является преднамеренное и целенаправленное устрашение. Тот факт, что устрашение само по себе может быть приравнено к пыткам, широко признан не только мандатариями³⁵, но и Комитетом против пыток³⁶, Европейским судом по правам человека³⁷, Комитетом по правам человека³⁸, Межамериканским судом³⁹ и другими механизмами.

47. На практике страх может быть вызван практически неограниченным разнообразием методов; некоторые из наиболее распространенных включают следующие:

a) прямые или косвенные угрозы применения, повторения или эскалации актов пыток, увечий, сексуального насилия или других видов жестокого обращения, в том числе в отношении родственников, друзей или других заключенных;

b) утаивание или искажение информации о судьбе жертв или их близких, инсценировка казней, присутствие при совершении реального или предполагаемого убийства, или пыток других лиц;

c) провоцирование личной или культурной фобии путем фактического контакта с насекомыми, змеями, собаками, крысами, болезнетворными инфекциями и т. д. или угрозы такого контакта;

d) вызывание клаустрофобии путем инсценировки похорон или помещения в коробки, гробы, мешки и иные тесные пространства (в зависимости от обстоятельств, эти методы могут также постепенно причинять сильную физическую боль или страдания).

48. Вызванные страхом острый психологический стресс и очень сильные внутренние конфликты часто недооцениваются. В реальности длительное переживание страха, в частности, может быть более изнурительным и мучительным, чем фактическая материализация этого страха, и даже переживание физических пыток может восприниматься как менее травматичное, чем бесконечные психологические муки, вызванные постоянным страхом и тревогой. В частности, была установлена связь между достоверными и непосредственными угрозами и сильными психическими страданиями, посттравматическим стрессовым расстройством, а также хронической болью и другими соматическими (т. е. физическими) симптомами.

2. Самоопределение (доминирование и подчинение)

49. Практически во всех ситуациях пыток применяется психологический метод, который состоит в том, чтобы умышленно лишить жертв контроля над как можно большим числом аспектов их жизни, продемонстрировать полное господство над ними и вызвать у них глубокое чувство беспомощности, безнадежности и полной зависимости от лица, применяющего пытки. На практике это достигается с помощью широкого круга методов, прежде всего:

³⁵ A/56/156, пункты 3 и 7–8; E/CN.4/1986/15, пункт 119; и E/CN.4/1998/38, пункт 208.

³⁶ CAT/C/KAZ/CO/2, пункт 7; и CAT/C/USA/CO/2, пункт 24.

³⁷ European Court of Human Rights, Grand Chamber, *Gäfgen v. Germany*, Application No. 22978/05, Judgment, 1 June 2010, para. 108.

³⁸ Комитет по правам человека, сообщение № 74/1980, соображения Комитета по делу *Мигель Анхель Эстрелья против Уругвая*, пункт 8.3.

³⁹ Inter-American Court of Human Rights, *Baldeón-García v. Perú*, Judgment, 6 April 2006, para. 119; и Inter-American Court of Human Rights, *Tibi v. Ecuador*, Judgment, 7 September 2004, paras. 147–149).

a) произвольного предоставления, ограничения или лишения доступа к информации, материалам для чтения, личным вещам, одежде, постельным принадлежностям, свежему воздуху, свету, еде, воде, отоплению или вентиляции;

b) создания и поддержания непредсказуемой обстановки с постоянно меняющимся и хаотично нарушаемым, удлиняемым или откладываемым графиком для приема пищи, сна, гигиены, мочеиспускания и дефекации, а также допросов;

c) навязывания абсурдных, нелогичных или противоречивых правил поведения, применения санкций и поощрений;

d) навязывания невозможного выбора, вынуждая жертв становиться участниками их собственных пыток.

50. Все эти методы объединяет то, что они нарушают чувство контроля, самостоятельности и самоопределения жертвы и со временем закрепляют ощущение полного отчаяния и полной физической, психической и эмоциональной зависимости от мучителя («приобретенная беспомощность»).

3. Достоинство и самосознание (унижение, нарушение личного пространства и сексуальной неприкосновенности)

51. С подавлением личного контроля, самостоятельности и самоопределения тесно связаны имеющие еще более трансгрессивный характер активные посягательства на чувство самооценки и самосознания жертв путем систематических и преднамеренных нарушений их личного пространства и покушений на их достоинство и сексуальную неприкосновенность. К ним могут относиться, например:

a) постоянное аудиовизуальное наблюдение с помощью камер, микрофонов, односторонних зеркал, клеток и других соответствующих средств, в том числе во время социальных контактов, общения с адвокатами и медицинских осмотров, а также во время сна и личной гигиены, включая мочеиспускание и дефекацию;

b) систематическое унижительное или грубое обращение, насмешки, оскорбления, словесные оскорбления, унижения личного, этнического, расового, сексуального, религиозного или культурного характера;

c) предание общественному позору, диффамация, клевета, очернение или разглашение интимных подробностей личной и семейной жизни жертвы;

d) принудительное обнажение или мастурбация, зачастую на глазах у должностных лиц противоположного пола;

e) сексуальные домогательства посредством инсинуаций, шуток, оскорблений, утверждений, угроз или демонстрации гениталий;

f) нарушение культурных или сексуальных запретов, в том числе с вовлечением родственников, друзей или животных;

g) распространение фотографий или аудио-/видеозаписей пыток жертвы или сексуального насилия над жертвой, дачи ею признательных показаний или иных компрометирующих ситуаций с участием жертвы.

52. Следует подчеркнуть, что ввиду унижительного и оскорбительного характера жестокого обращения его не обязательно относить к категории «другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения», которые иногда (ошибочно) рассматриваются как «менее тяжкие» преступления, чем пытки. Известно, что систематические и продолжительные нарушения неприкосновенности личного пространства, достоинства и сексуальной неприкосновенности причиняют сильные психические страдания, включая чувство глубокой уязвимости, унижения, стыда и вины, что часто усугубляется беспокойством по поводу социальной изоляции, ненавистью к самому себе и суицидальными тенденциями. Поэтому, как и в случае с другими методами, именно преднамеренность и целенаправленность унижающего

достоинство обращения и беспомощность жертвы имеют решающее значение для его отнесения к категории либо пыток, либо других видов жестокого обращения⁴⁰.

4. Ориентация в условиях окружающей действительности (сенсорная манипуляция)

53. Сенсорные стимулы и контроль в условиях окружающей действительности являются одной из основных потребностей человека. Преднамеренная сенсорная манипуляция и дезориентация посредством сенсорной депривации или гиперстимуляции затрагивает как органы чувств, так и когнитивную обработку сенсорного восприятия. Таким образом, именно сенсорная гиперстимуляция находится на стыке между физическими и психологическими пытками.

54. В то время как кратковременная сенсорная депривация сама по себе может привести к острым психическим мучениям, длительная депривация, как правило, вызывает апатию, за которой следуют все более сильная дезориентация, спутанность сознания и, в конечном счете, симптомы бреда, галлюцинаций и психоза. Соответственно, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, прямо запрещает содержание задержанного лица «в условиях, которые лишают его, временно или постоянно, любого из его природных чувств, таких как зрение, слух, пространственная или временная ориентация»⁴¹. На практике такая депривация предполагает частичную или полную ликвидацию сенсорной стимуляции путем накопления таких мер, как:

- запрещение устного общения с жертвой;
- постоянный монотонный свет;
- визуально стерильная среда;
- звукоизоляция камеры;
- надевание на голову мешка;
- завязывание глаз;
- использование перчаток;
- использование масок для лица;
- использование звукоизолирующих наушников.

55. Сенсорная гиперстимуляция ниже порога физической боли, например при помощи постоянного яркого света, громкой музыки, неприятных запахов, некомфортной температуры или навязчивого белого шума, вызывает все более сильный психический стресс и тревожность, неспособность мыслить ясно, впоследствии ведет к повышению раздражительности, вспышкам гнева и, в конечном счете, приводит к полному истощению и отчаянию. Экстремальная сенсорная гиперстимуляция, которая немедленно или с течением времени вызывает действительную физическую боль или телесные повреждения, должна рассматриваться как физическая пытка. Это может включать, например, ослепление жертв чрезвычайно ярким светом, или воздействие на них чрезвычайно громкого шума или музыки, или экстремальных температур, вызывающих ожоги или переохлаждение.

5. Социальное и эмоциональное равновесие (изоляция, отчуждение, предательство)

56. Обычный метод психологической пытки заключается в ущемлении потребности жертвы в социальном и эмоциональном равновесии посредством изоляции, социального отчуждения, организованной травли и предательства. Лица,

⁴⁰ См. также Caal, "Debility, dependency and dread", pp. 23–24.

⁴¹ Резолюция 43/173 Генеральной Ассамблеи, приложение.

лишенные полноценных социальных контактов и подвергающиеся эмоциональным манипуляциям, могут быстро ощутить глубокую дестабилизацию и обесцененность.

57. Преобладающим методом изоляции и социального отчуждения является одиночное заключение, которое определяется как «ограничение свободы заключенных в течение 22 или более часов в день без содержательных контактов с людьми»⁴². В соответствии с международным правом одиночное заключение может применяться только в исключительных обстоятельствах, а «длительное» одиночное заключение, превышающее 15 дней подряд, рассматривается как форма пыток или жестокого обращения⁴³. То же относится и к часто возобновляемым мерам, которые в своей совокупности равносильны длительному одиночному заключению⁴⁴. Еще более жесткой мерой, чем одиночное заключение, является «содержание под стражей без связи с внешним миром», которое лишает заключенного любого контакта с внешним миром, в частности с врачами, адвокатами и родственниками, и неоднократно признавалось одной из форм пыток⁴⁵.

58. Другие методы, направленные на ущемление потребностей жертвы в социальном контакте, включают преднамеренную медицинскую, языковую, религиозную или культурную изоляцию внутри группы заключенных, а также подстрекательство к созданию и поощрение гнетущих ситуаций преследования, издевательства или организованной травли конкретных лиц или групп лиц, или терпимое отношение к таким ситуациям. Например, можно ожидать, что содержание в целях дискриминации или наказания отдельных мужчин-гомосексуалистов в коллективных камерах с жестокими заключенными-гомофобами создаст ситуацию организованной травли, включающую в себя социальную изоляцию, угрозы, унижение и сексуальные домогательства, и приведет к опасным уровням постоянного стресса и тревоги, которые с большой степенью вероятности будут равносильны пыткам, независимо от фактического совершения физического насилия.

59. Тяжелые психологические и физические последствия содержания под стражей без связи с внешним миром, одиночного заключения и социальной изоляции, включая организованную травлю, убедительно подтверждены документами и, в зависимости от обстоятельств, могут варьироваться от все более тяжелых форм тревоги, стресса и депрессии до когнитивных нарушений и суицидальных тенденций. Изоляция и социальная изоляция, особенно в случаях, если она носит длительный или бессрочный характер, или в сочетании с синдромом камеры смертников, может также причинить серьезный и непоправимый психический и физический ущерб.

60. Помимо изоляции и социальной изоляции, а обычно в сочетании с ними, лица, применяющие пытки, часто преднамеренно воздействуют на потребность жертв в эмоциональном равновесии посредством целенаправленных эмоциональных манипуляций. Это может включать в себя такие методы, как:

- создание, а затем подрыв эмоциональной гармонии и личного доверия;
- провоцирование на совершение «проступка» путем навязывания выбора между действиями, в результате совершения любого из которых жертва будет виновата, а затем вызывание чувств вины или стыда за то, что жертва не оправдала доверия мучителя;
- разрушение эмоциональных связей путем принуждения жертв к предательству или участию в жестоком обращении с другими заключенными, родственниками и друзьями или наоборот;
- использование обманчивой, дезориентирующей или иным образом сбивающей с толку информации или ролевой игры.

⁴² Правила Нельсона Манделы, правило 44.

⁴³ Там же, правило 43, пункт 1 b); и A/66/268, пункт 26.

⁴⁴ A/68/295, пункт 61.

⁴⁵ A/HRC/13/42, пункты 28 и 32; Inter-American Court of Human Rights, *Velásquez Rodríguez v. Honduras*, Judgement, 29 July 1988, para. 187; CCPR/C/51/D/458/1991, приложение, пункт 9.4; и CCPR/C/61/D/577/1994, пункт 8.4.

6. Доверие к обществу (институциональный произвол и преследование)

61. Каждый человек неизбежно испытывает потребность в доверии к обществу. Перед лицом всеисильности государства люди должны иметь возможность компенсировать свою собственную беспомощность, опираясь на способность и готовность общества к самоограничению, в первую очередь путем соблюдения принципов верховенства права и надлежащей правовой процедуры. До тех пор пока административные или судебные ошибки, халатность или произвол можно эффективно, пусть и небезупречно, устранить и исправить с помощью отлаженной системы институциональных жалоб и средств правовой защиты, возникающие в результате этого неудобства, несправедливость и разочарование могут быть допустимы в качестве неизбежного побочного результата действия конституционных процессов, которые управляют демократическим обществом.

62. Как подробно обсуждалось в докладе Специального докладчика о взаимосвязи между коррупцией и пытками (A/HRC/40/59, пункты 16 и 48–60), эти конституционные процессы безнадежно коррумпированы в тех случаях, когда административная или судебная власть намеренно используется в произвольных целях и когда соответствующие институциональные надзорные механизмы проявляют к этому терпимость, выступают в качестве соучастников или являются недоступными или парализованными до такой степени, что это фактически устраняет любую перспективу соблюдения надлежащей правовой процедуры и верховенства права.

63. Устойчивый институциональный произвол, типичный для условий, характеризующихся системными сбоями в управлении или преследованием отдельных лиц или групп лиц, в корне ущемляет человеческую потребность в доверии к обществу и, в зависимости от обстоятельств, может приводить к тяжелым психическим страданиям, глубокой эмоциональной дестабилизации и появлению продолжительных индивидуальных и коллективных травм. Специальный докладчик считает, что, если институциональный произвол или преследование преднамеренно и целенаправленно причиняют сильную психическую боль или страдания беспомощным лицам, то это может представлять собой психологическую пытку либо способствовать ее применению. На практике этот вопрос имеет особое значение, в том числе в отношении преднамеренного использования произвольного задержания в качестве инструмента воздействия и связанного с этим судебного или административного произвола.

64. Помимо содержания под стражей без связи с внешним миром и одиночного заключения, о которых говорилось выше, к числу наиболее характерных форм произвольного задержания относятся следующие:

- **насильственное исчезновение.** К нему относятся арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме государственными должностными лицами или же с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать факт такого задержания или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувших лиц, вследствие чего эти лица оставлены без защиты закона⁴⁶. Насильственное исчезновение может быть приравнено к форме пытки как в отношении исчезнувшего лица, так и в отношении его родственников (A/56/156, пункты 9–16)⁴⁷;
- **принудительное задержание.** К нему относится умышленное применение в качестве инструмента воздействия все более сильных страданий, причиняемых длительным произвольным задержанием, направленным на то, чтобы принудить, запугать, сдерживать или иным образом «сломать» задержанного или третьих лиц;
- **жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство наказание.** К нему относятся чрезмерно длительные или суровые приговоры к тюремному заключению, вынесенные в целях сдерживания, запугивания и наказания, но

⁴⁶ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, статья 2.

⁴⁷ CAT/C/54/D/456/2011, пункт 6.4.

при этом крайне несоизмеримые тяжести совершенного преступления и несовместимые с основополагающими принципами справедливости и гуманности. К нему могут также относиться сильные психические и эмоциональные страдания, причиняемые так называемым синдромом камеры смертников⁴⁸.

65. Вопрос о том, является ли конкретная ситуация ограничения свободы «задержанием», зависит не только от того, имеют ли соответствующие лица формальное право выходить, но и от того, могут ли они фактически осуществлять это право, не подвергая себя серьезным нарушениям прав человека (принцип невыдворения).

66. Решение о том, приравнивается ли произвольное задержание и связанный с ним судебный или административный произвол к психологической пытке, должно приниматься в отношении каждого конкретного случая. Как правило, чем дольше длится ситуация произвольного задержания и чем меньше задержанные могут повлиять на свое собственное положение, тем сильнее будут становиться их страдания и отчаяние. У жертв длительного произвольного заключения были выявлены посттравматические симптомы и другие тяжелые и стойкие последствия для психического и физического здоровья. В частности, постоянное воздействие неопределенности и произвола со стороны судебных органов, а также отсутствие контролируемого или достаточного общения с адвокатами, врачами, родственниками и друзьями укрепляет чувство беспомощности и безнадежности и со временем может привести к хроническому беспокойству и депрессии.

67. Поэтому, как неоднократно подчеркивал Специальный докладчик в контексте незаконной миграции (A/HRC/37/50, пункты 25–27), а также в отдельных сообщениях⁴⁹, в тех случаях, когда произвольное задержание и судебный произвол умышленно применяется или закрепляется для таких целей, как принуждение, запугивание, сдерживание или наказание, или по причинам, связанным с дискриминацией любого рода, такая практика может быть приравнена к психологической пытке.

7. Среда для применения пыток (накопление факторов стресса)

68. Приведенный выше перечень конкретных методов не должен заслонять тот факт, что на практике жертвы пыток почти всегда подвергаются сочетанию методов, приемов и обстоятельств, предназначенных для причинения как психической, так и физической боли или страданий. В случае их применения по отдельности или в течение короткого периода времени некоторые из этих методов и обстоятельств не всегда могут быть приравнены к пыткам. Однако в сочетании друг с другом и с увеличением продолжительности их воздействия они оказывают разрушительный эффект⁵⁰. Таким образом, установление факта применения пытки может зависеть не только от определенных характеристик конкретных приемов или обстоятельств, но и от их совокупного и/или длительного воздействия, иногда в сочетании с внешними факторами стресса или индивидуальными факторами уязвимости, которые не находятся под контролем лица, применяющего пытку, и могут даже сознательно им не использоваться. Как справедливо отметил Международный трибунал по бывшей Югославии, пытки «могут совершаться в рамках единого деяния или быть результатом сочетания или накопления нескольких деяний, которые могут показаться безобидными, если их рассматривать по отдельности и вне контекста... Период

⁴⁸ A/67/279, пункт 42. European Court of Human Rights, *Soering v. the United Kingdom*, Application No. 14038/88, Judgment, 7 July 1989, para. 111.

⁴⁹ См. прежде всего отдельные сообщения, направленные Специальным докладчиком по делу Челси Мэннинг, сообщение № AL USA 22/2019 от 1 ноября 2019 года; и Джулиана Ассанжа, сообщения № UA/GBR/3/2019 от 27 мая 2019 года; и № UA GBR 6/2019 от 29 октября 2019 года.

⁵⁰ Physicians for Human Rights and Human Rights First, *Leave No Marks: Enhanced Interrogation Techniques and the Risk of Criminality* (2007), p. 6.

времени, повторение и различные формы жестокого обращения и их тяжесть должны оцениваться в совокупности»⁵¹.

69. В особенности в случаях отсутствия физической боли и страданий необходимо всегда уделять должное внимание контексту, в котором используются определенные методы. Например, в то время как в обычных обстоятельствах публичные акты оскорблений и диффамации могут считаться уголовным преступлением, а не пытками, такая оценка может существенно измениться, если это же поведение становится вопросом систематического и поддерживаемого государством очернения и преследования, сопряженного с дополнительными мерами, такими как произвольное задержание, постоянная слежка, систематический отказ в правосудии и серьезные угрозы или запугивание⁵². Кроме того, каждый человек может по-разному реагировать на конкретный метод пыток. Поэтому на практике методы пыток всегда должны оцениваться с учетом индивидуальных факторов уязвимости конкретной жертвы (A/73/152), будь то по причине инвалидности (A/63/175), миграционного статуса (A/HRC/37/50) или по любой другой причине.

70. В таких ситуациях уместнее не рассматривать каждый фактор в отдельности и задаваться вопросом, какие из них имеют достаточную степень «силы», а говорить о «среде для применения пыток», т. е. о сочетании обстоятельств и/или видов практики, которые предназначены и в целом характеризуются тем, чтобы умышленно причинить боль или страдания достаточной силы, с тем чтобы достичь желаемой цели пыток⁵³. Это отражает реальность, в которой жертвы, как правило, воспринимают пытки в целом и реагируют на них в совокупности, а не как на ряд отдельно взятых методов и обстоятельств, которые по отдельности не всегда можно приравнять к пытке⁵⁴.

Е. Киберпытки

71. Особую озабоченность вызывает сфера, которой по-видимому не уделяется достаточного внимания, а именно возможное использование различных форм информационно-коммуникационных технологий («кибертехнологий») для целей применения пыток. Хотя вопрос поощрения, защиты и осуществления прав человека в Интернете неоднократно рассматривался Советом по правам человека (см. A/HRC/32/L.20; и A/HRC/38/L.10/Rev.1), пытки понимаются главным образом как инструмент, используемый для воспрепятствования осуществлению права на свободу выражения мнений в Интернете, а не как нарушение прав человека, которое может быть совершено с использованием кибертехнологий.

72. Это кажется удивительным, учитывая, что некоторые характеристики киберпространства делают его средой, весьма благоприятной для злоупотреблений и эксплуатации, прежде всего огромная асимметрия власти, практически гарантированная анонимность и почти полная безнаказанность. Государства, корпоративные субъекты и организованные группы преступников не только имеют возможность проводить кибероперации, причиняя сильные страдания бесчисленному множеству людей, но и вполне могут принять решение использовать такие операции для любой из целей применения пыток. Поэтому необходимо в предварительном порядке вкратце рассмотреть, что именно понимается и каковы основные контуры того, что может быть охарактеризовано как «киберпытки».

⁵¹ International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Trial Chamber II, *Prosecutor v. Milorad Krnojelac*, Case No. IT-97-25, Judgment, 15 March 2002, para. 182; см. также European Court of Human Rights, *Ireland v. the United Kingdom*, Application No. 5310/71, para. 168.

⁵² Масштабными историческими примерами таких надругательств были так называемые «сеансы борьбы», использовавшиеся во время китайской культурной революции (1966–1976 годы) для публичного унижения и пыток политических диссидентов и надругательств над ними. См. Tom Phillips, “The cultural revolution: all you need to know about China’s political convulsion”, *The Guardian*, 10 May 2016. На предмет недавних индивидуальных случаев см. OHCHR, “UN expert says ‘collective persecution’ of Julian Assange must end now”, 31 May 2019.

⁵³ Pérez-Sales, *Psychological Torture*, p. 284.

⁵⁴ Luban and Newell, “Personality disruption as mental torture”, pp. 363 and 374.

73. На практике кибертехнологии уже играют роль «средства», обеспечивающего возможность применения как физических, так и психологических форм пыток, прежде всего посредством сбора и передачи отслеженной информации и инструкций лицам, проводящим допрос, распространения аудио- или видеозаписей пыток или убийств в целях запугивания или даже онлайн-трансляции сексуальных надругательств над детьми «по заказу» клиентов-вуайеристов (A/HRC/28/56, пункт 71), а также во все возрастающей степени посредством дистанционного управления или манипулирования поясами с электрошоком (A/72/178, пункт 51), медицинскими имплантатами и, теоретически, нанотехнологическими либо нейротехнологическими устройствами⁵⁵. Кибертехнологии могут также использоваться для причинения сильных психических страданий или содействия таковым, избегая при этом использования тела как физического средства, в первую очередь путем запугивания, преследования, ведения слежки, предания публичному позору и диффамации, а также присвоения или удаления информации, или манипулирования ей.

74. Передача серьезных угроз посредством анонимных телефонных звонков уже давно является широко распространенным методом устрашения на расстоянии. С появлением Интернета, по имеющимся сведениям, государственные службы безопасности, в частности, используют кибертехнологии как на своей территории, так и за рубежом для систематического наблюдения за широким кругом лиц и/или непосредственного вмешательства, пользуясь беспрепятственным доступом к кибертехнологиям⁵⁶. Услуги электронной связи, платформы социальных сетей и поисковые системы обеспечивают идеальные условия как для анонимного отправления адресных угроз, сексуальных домогательств и вымогательства, так и для массового распространения пугающих, клеветнических, унижающих достоинство, обманных или дискриминационных материалов.

75. Отдельные лица или группы лиц, систематически подвергающиеся кибернаблюдению и киберпреследованию, как правило, остаются без каких-либо эффективных способов защиты, бегства или самозащиты и, по крайней мере в этом отношении, часто оказываются в ситуации «беспомощности», сопоставимой с физическим содержанием под стражей. В зависимости от обстоятельств физическое отсутствие и анонимность злоумышленника может даже усилить у жертвы ощущение беспомощности, потери контроля и уязвимости, сходное с усиливающим стресс воздействием завязывания глаз или надевания на голову мешка во время физической пытки. Аналогичным образом повсеместный позор, который наносят публичное разоблачение, диффамация и унижение, может быть столь же травматичным, как и прямое унижение, причиняемое лицами в закрытой среде⁵⁷. Как показали различные исследования, посвященные кибертравле, одно лишь преследование в сравнительно ограниченной среде может вызвать у затронутых лиц чрезвычайно сильную и длительную тревогу, стресс, социальную изоляцию и депрессию и значительно повышает риск самоубийства⁵⁸. Надо полагать, что по этой причине гораздо более систематические угрозы и преследования, поддерживаемые правительством и осуществляемые с помощью кибертехнологий, не только приводят к ситуации фактической беспомощности, но и вполне могут вызывать различной силы чувства

⁵⁵ Al Elmondi, “Next-generation nonsurgical neurotechnology”, Defense Advanced Research Projects Agency, доступно по адресу www.darpa.mil/program/next-generation-nonsurgical-neurotechnology.

⁵⁶ См. резолюции 32/13 и 38/7 Совета по правам человека. См. в первую очередь раскрытую Эдвардом Сноуденом в 2013 году информацию о глобальной деятельности по наблюдению, проводимой Агентством национальной безопасности Соединенных Штатов Америки и его международными партнерами, см. Ewan Macaskill and Gabriel Dance, “NSA files: decoded – what the revelations mean for you”, *The Guardian*, 1 November 2013.

⁵⁷ Pau Pérez-Sales, “Internet and torture” (forthcoming).

⁵⁸ Ann John and others, “Self-harm, suicidal behaviours, and cyberbullying in children and young people: systematic review”, *Journal of Medical Internet Research*, vol. 20, No. 4 (2018); Rosario Ortega and others, “The emotional impact of bullying and cyberbullying on victims: a European cross-national study”, *Aggressive Behavior*, vol. 38, No. 5 (September/October 2012).

тревоги, стресса, стыда и вины, приравняемые к «жестоким психическим страданиям», что и требуется для установления факта применения пыток⁵⁹.

76. В более общем плане, для обеспечения надлежащего осуществления запрещения пыток и соответствующих правовых обязательств в нынешних и будущих обстоятельствах его толкование должно развиваться в соответствии с новыми вызовами и возможностями, возникающими в связи с появлением новейших технологий не только в киберпространстве, но и в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии и нейротехнологии, или в фармацевтике и биомедицине, включая так называемое «повышение человеческих возможностей».

IV. Выводы и рекомендации

77. На основе вышеизложенных замечаний и соображений по предметным аспектам концепции «психологической пытки» и с учетом широких консультаций с заинтересованными сторонами Специальный докладчик, опираясь на свои знания и суждения, предлагает следующие выводы и рекомендации.

78. **Распространенность.** Психологические пытки происходят в самых различных условиях, включая обычные уголовные расследования, содержание под стражей в полиции, операции по задержанию и обыску, сбор разведывательных данных, медицинскую, психиатрическую и социальную помощь, иммиграцию, административное задержание и задержание с целью принуждения, а также в таких социальных контекстах, как домашнее насилие, организованная травля, кибертравля и преследование по политическим или дискриминационным мотивам.

79. **Общие рекомендации.** Так как психологические пытки представляют собой частный случай общего понятия пытки, Специальный докладчик настоящим подтверждает общие рекомендации своего мандата (E/CN.4/2003/68, пункт 26) и подчеркивает их полную применимость *mutatis mutandis* в отношении методов, приемов и обстоятельств, приравняемых к «психологическим пыткам».

80. **Непринудительные методы расследования.** С учетом практической важности дальнейшего уточнения границ между допустимыми методами расследования, не связанными с принуждением, и запрещенным принудительным допросом Специальный докладчик подтверждает выводы и рекомендации, содержащиеся в тематическом докладе, представленном его предшественником (A/71/298), и предлагает государствам активно поддерживать текущий процесс разработки международных руководящих принципов ведения опросов в рамках расследований и связанных с ними гарантий.

81. **Стамбульский протокол.** Персонал, которому поручено проведение медицинских осмотров, определение миграционного статуса или судебное рассмотрение возможных случаев пыток, должен пройти специализированную подготовку по выявлению и документированию признаков пыток и жестокого обращения в соответствии с обновленным Протоколом.

82. **Конкретные рекомендации.** Более конкретно в отношении понятия «психологическая пытка» Специальный докладчик рекомендует государствам принять, включить в свои национальные нормативно-правовые, институциональные и политические рамки следующие определения, толкования и соображения и обеспечить их применение, включая, в частности, подготовку и инструктаж сотрудников медицинских, судебных, административных, военных и правоохранительных органов.

83. **Рабочие определения.** Для правозащитных целей понятие «психологическая пытка» следует толковать как включающее все методы,

⁵⁹ Samantha Newbery and Ali Dehghantanha, “A torture-free cyber space: a human right”, 2017.

приемы и обстоятельства, которые предназначены или задуманы для целенаправленного причинения сильной психической боли или страданий без использования в качестве средства или воздействия сильной физической боли или страданий. При этом «физические пытки» следует толковать как включающие в себя все методы, приемы и условия, предназначенные или разработанные для целенаправленного причинения сильной физической боли или страданий, независимо от одновременного причинения психической боли или страданий.

84. Составные элементы в контексте психологических пыток:

а) «психические страдания» означают, прежде всего, субъективно переживаемые психические страдания, но при их отсутствии также могут означать один лишь объективно причиняемый психический ущерб;

б) «сила» психической боли или страданий зависит от широкого ряда факторов, которые являются эндогенными и экзогенными для отдельного человека, все из которых должны оцениваться совокупно в каждом конкретном случае и с учетом конкретной цели, преследуемой соответствующим обращением или наказанием;

в) «беспомощность» означает неспособность жертвы избежать причинения психической боли или страданий или сопротивляться ему, и она может быть достигнута не только посредством физического содержания под стражей, но и, например, путем использования лекарственных препаратов для приведения жертвы в беспомощное состояние, лишения ее правоспособности, серьезных и непосредственных угроз и использования социальных контекстов, для которых характерны принудительный контроль, организованная травля, кибертравля и преследование;

г) «преднамеренность» присутствует в тех случаях, когда злоумышленник знал или должен был знать, что при обычном развитии событий его или ее действия или бездействие приведут к причинению сильной психической боли или страданий, как сами по себе, так и в сочетании с другими факторами и обстоятельствами;

д) «целенаправленность» присутствует тогда, когда психическая боль или страдания причиняются для таких целей, как допрос, наказание, запугивание и принуждение жертвы или третьего лица, или с дискриминационным умыслом, независимо от якобы доброжелательных целей, таких как «медицинская необходимость», «перевоспитание», «духовное исцеление» или «конверсионная терапия»;

е) «законные санкции» не могут включать любые санкции или меры, запрещенные соответствующими международными документами или национальным законодательством, такие как длительное или бессрочное одиночное заключение, сенсорные манипуляции, коллективное наказание, запрет на контакты с членами семьи или содержание под стражей в целях принуждения, запугивания или по причинам, связанным с дискриминацией любого рода.

85. Преобладающие методы. В отличие от физической пытки, при которой тело и его физиологические потребности используются в качестве средства воздействия на разум и эмоции жертвы, психологическая пытка достигает своих целей путем непосредственного воздействия на одну или несколько основных психологических потребностей, например:

а) безопасность (устрашение и создание фобии и тревожности);

б) самоопределение (доминирование и подчинение);

в) достоинство и самосознание (унижение, нарушение личного пространства и сексуальной неприкосновенности);

- d) ориентация в условиях окружающей действительности (сенсорная манипуляция);
- e) социальное и эмоциональное равновесие (изоляция, отчуждение и эмоциональная манипуляция);
- f) доверие к обществу (институциональный произвол и преследование).

86. Среда для применения пыток. На практике жертвы пыток почти всегда подвергаются использованию сочетания методов и обстоятельств, причиняющих как психическую, так и физическую боль или страдания, сила которых зависит от таких факторов, как продолжительность, накопление воздействия и личная уязвимость. Жертвы, как правило, воспринимают пытки в целом и реагируют на них совокупно, а не как на ряд отдельно взятых методов и обстоятельств, которые по отдельности не всегда можно приравнять к пытке. Соответственно, психологические пытки могут быть совершены в рамках единого деяния или бездействия, или быть результатом сочетания или накопления нескольких факторов, которые могут показаться безобидными, если их рассматривать по отдельности и вне контекста. Преднамеренность, целенаправленность и сила причиняемой боли или страданий всегда должны оцениваться в совокупности и в свете обстоятельств, преобладающих в соответствующих условиях.

87. Вызовы, связанные с новыми технологиями. Для обеспечения надлежащего осуществления запрещения пыток и соответствующих международных правовых обязательств в нынешних и будущих обстоятельствах его толкование должно развиваться в соответствии с новыми вызовами и возможностями, возникающими в связи с появлением новейших технологий не только в киберпространстве, но и в таких областях, как искусственный интеллект, робототехника, нанотехнологии и нейротехнологии, или в фармацевтике и биомедицине, включая так называемое «повышение человеческих возможностей».